

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №4 2021 ГАЗЕТА

Камиль Зиганшин / Хождение к Студёному морю

Под занавес Года Крысы (по восточному календарю) в здании Российского палеонтологического императорского общества родилась Ассоциация союзов писателей и издателей (АСПИ), председателем которой единогласно избрали известного писателя, депутата Госдумы от КПРФ и постоянного автора журнала «Роман-газета» Сергея Шаргунова. Учредили Ассоциацию пять крупнейших общественных организаций, объединяющих в своих рядах литераторов разных взглядов и творческих устремлений: Союз писателей России, Союз российских писателей, Союзы писателей Москвы и Санкт-Петербурга, Российский книжный союз. В руководящие органы ассоциации вошли: советник Президента РФ Владимир Толстой, ветеран российской политики Сергей Степашин, руководители издательств «Вече» и «Эксмо» Леонид Палько и Олег Новиков, главный редактор «Литературной газеты» Максим Замшев, Председатель ПАО «Промсвязьбанк» Пётр Фрадков.

Свершилось то, чего многие годы ожидало литературное сообщество, не сумевшее удержать оставшееся от СССР многомиллиард-

«Мы объединяемся для того, чтобы отстаивать права, интересы, судьбы людей литературы»

ное имущество Литфонда, не преуспевшее в организации профессионального взаимодействия с частными (других в стране не осталось) издательствами. Писатели, особенно в провинции, вернулись во времена Гуттенберга: сам сочинил, сам отредактировал, сам напечатал за собственные деньги, сам распространял тираж. И вот случилось чудо. В наступивший Год Быка государство твёрдой рукой взяло (литературного) быка за рога, повело в тёплое стойло, которое, правда, ещё только предстоит обустроить. Речь (по слухам) идёт о знаменитом Доме Ростовых у Садового

кольца, где некогда размещался Союз писателей СССР.

Создание ассоциации не устранило мировоззренческие противоречия между литераторами либерального и патриотического направления, но подвигло их на решение давно назревших общих вопросов. Это определение социального статуса писателя (включение в реестр профессий), принятие закона о творческих союзах (стаж, пенсии, дома творчества), возрождение Литфонда, поддержка «толстых» литературных журналов, защита авторских прав, справедливое распределение прибыли от продажи книг между авторами и издательствами. Авторитет и жизнеспособность ассоциации будет определяться нацеленностью на решение именно этих задач.

По составу учредителей, примкнувшим к ним чиновникам и многоголовому Творческому Совету ассоциации вполне по силам стать структурой, определяющей приоритеты государства в культурной политике. Когда-то Михаил Горбачёв любил повторять: «Главное начать» (с ударением на первом слоге). Виктор Черномырдин дополнил бывшего генсека бессмертным: «Хотели, как лучше, а получилось...»

Будем надеяться, что Ассоциацию союзов писателей и издателей России не постигнет судьба многих прежних начинаний.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2021 №4 /1873/ Основана в 1927 г.

Камиль Зиганшин

Хождение к Студёному морю

(Третья книга летописи «Золото Алдана»)

Корней быстро усвоил, что на Севере надо использовать не только каждый погожий день, но и каждый погожий час. За два безветренных дня (в эту пору понятие день здесь довольно условное — едва успеет наступить рассвет, как ему навстречу спешат сумерки), ему удалось одолеть по необозримой равнине изрядное расстояние. На ходу даже посчастливилось подстрелить пару беляков. До этого встречались лишь их следы. На третий день, небо затянуло мутной дымкой, сквозь которую на горизонте неуверенно проступал тусклый солнечный диск.

Лицо вновь обожгло ледяное дыхание северного ветра. Набирая силу, он с посвистом и завыванием гнал по тундре вихляющие космы. Их дикая пляска напомнила Корнею шамана, кружившего вокруг костра в чуме юкагиров. Лицо больно кололи острые и жёсткие, как песок, крупинки снега.

Усиливающиеся порывы следовали один за другим. Снежные «ручьи» на глазах сливались в мощные курящиеся потоки — надвигалась очередная пурга. Видимость уменьшилась до нескольких метров.

Из-за ветра мороз стал нестерпимым. Снежная пыль проникала в каждую щёлочку, залепляла глаза. Пришлось до предела стянуть капюшон камлейки.

Жалея собак, скитник то и дело прыгивал с нарт и шёл рядом, держась за дугу барана. Порывы ветра тем временем слились в беспрестанный шквал. Снег кипящей лавиной нёсся на высоте человеческого роста. Ветер трепал, рвал камлейку, сбивал дыхание, леденил лицо. Собаки, чтобы противостоять его напору, вытягивали головы вперёд, иногда тычась от усталости мордами в снег. В густых зарядах Корней даже не всегда различал их напряжённые спины. Хотя лайки необычайно выносливы, было заметно, что и им тяжело.

Первоначальный ужас перед стихией у Корнея сменился боевым настроением. Пурга так раззадорила его, что он упрямо продолжал гнать упряжку. Заразившись одержимостью хозяина, собаки тянули изо всех сил. Потрясённый мощью бури, Корней прокричал:

— Давай, давай! Посмотрим, кто кого!

В этом вопле слышался не страх, а восторг перед буйством стихии. Чем опасней была обстановка, тем энергичнее и собраннее становился он. Однако напор пурги

Окончание. Начало см. в номере 3 за 2021 год.

всё возрастал и, в конце концов, принудил остановиться.

Натягивать палатку или строить «берлогу» было невозможно. Воткнув остол поглубже, Корней достал застывший коробом спальный мешок. С трудом забравшись в него, ужом зарылся в снег за нартами. Не распряжённые, облепленные намёрзшим снегом собаки, барахтаясь, зарылись там же, где стояли.

Над путешественником быстро вырос сугроб. Из-за нехватки кислорода в заметённом мешке сон был поверхностным. Дыхание с каждым часом учащалось, мышцы ног то и дело стягивало болезненная судорога.

К счастью, низовые метели непродолжительны. Где-то часа через три в сплошной рёв начал вплетаться свист — явный признак ослабления ветра. Когда он совсем захирел и стал слышен лишь шорох позёмки, скитник пробил наметённый над ним полуметровый сугроб.

На юго-западе гас, зажигая звёзды, багровый закат. Можно откапывать нарты, кормить собак и трогаться в путь. Корней напрасно надеялся, что не придётся возиться с упряжью: один из псов сжевал кусок потяга — кожаного ремня, к которому попарно прикрепляются персональные лямки. Пришлось попотеть с его починкой.

И снова бескрайняя тундра, освещаемая неживым светом луны. Отдохнувшие лайки, несмотря на урезанную пайку, бежали бодро. Корнею оставалось, балансируя телом, не допускать опрокидывания нарты на ухабах и поворотах. Собакам было тяжело лишь когда выезжали на рыхлый снег, наметённый в затишьях. На таких участках они не бежали, а барахтались, часто перебирая лапами, утопая по брюхо.

Гуляющие всю зиму по тундре, ветра спрессовывают снег застывшими волнами-гребнями: переменится ветер — вместо старых заструг намечает новые, уже в другом направлении. И так за зиму много раз. Эта пурга намела высокие, далеко отстоящие друг от друга гребни, и лайки с радостным визгом то ныряли вниз, то пушистыми шарами взлетали с разгона наверх. Полозья нарт оставляли на плотном снегу лишь едва заметные бороздки.

Оглядываясь, Корней видел, что за ними тянется белесоватая полоса: капельки влаги от дыхания разгорячённых собак тут же застывали, образуя длинную ленту. Она «ломалась» и рассеивалась, как только начинал тянуть ветерок.

Застывшее пространство над тундрой оживлял зловещим «Ка-ааа!», лишь низко летящий ворон с побелевшими от мороза бакенбардами. Он тоже оставлял за собой едва заметный след парка. На промороженной земле бодрствовали одни песцы да лемминги — серые, короткохвостые грызуны, размером

с детскую варежку, с тёмно-коричневой полоской на спине. Разыскивая стебельки и корешки, они без устали прокладывают в снежном покрове ходы, а невидимый на снегу белый песец охотится за невидимыми под снегом грызунами.

А вон и белые куропатки в ложбинке закопошились — тоже проголодались за время ненастья. Заметив упряжку, они беспокойно завертели маленькими на непомерно массивном туловище, головками. Взмах крыльев и стайка унеслась белым облачком. Вдогонку им приведением ринулась с бугорка полярная сова.

На востоке показалось несколько обособленных холмов. Между ними проступал какой-то тёмный силуэт — неужели избушка?

Точно, избушка! Взъерошенный столб дыма извещал — жилая. Какая удача! Корней от радости завопил во всё горло псалом «Живый в помощи».

Приближение упряжки местными собаками было встречено яростным лаем. Правда, хвосты при этом дружелюбно виляли. Шумели больше для порядка. Корнеевские вяло отбредивались.

Скитник затормозил метрах в десяти от ладно срубленного зимовья. Как только ремни на натуженных плечах лаек ослабли, они усталились на хозяина — мол, быстрее снимай шлейки! Корней встал с нарт, с трудом разгибая ноги и спину — от долгой езды мышцы одеревенели.

На поднявшийся гвалт вышел с карабином в руках кряжистый детина с пушистым, дважды обёрнутым вокруг шеи шарфом из лисьих хвостов. Щуря глаза, он с подозрением разглядывал неуклюжую фигуру в камлейке. Придя к выводу, что путник не из варнаков, протянул руку:

— Олег.

— Корней, — ответил тот, чуть шевеля стянутыми стужей губами.

— А по батюшке? Я ведь, поди, в сыновья вам гожусь.

— Корней Елисеич.

— Давненько у меня гостей не было. Токмо охотвед иной раз навещает... Отряхайтесь и заходите, — промысловик подал висевший у входа обрезок оленьего рога.

Прежде чем выбивать снег, Корней освободил-таки нетерпеливо повизгивающих псов от шлеек. Те сразу свернулись в клубки, уткнув носы в брюхо. Лишь Борой встал перед хозяином и принялся легонько стучать лапой по ногам: «Поесть бы!».

Зимой, когда собакам нет возможности подкрепиться подножным кормом, еда для них становится вопросом жизни и смерти. Трогательно видеть радость и благодарность этих четвероногих, когда они получают свою пайку. Особенно сердечна утренняя

встреча: от предчувствия скорой кормёжки собаки прыгают, ластятся, пытаются лизнуть хозяина в лицо. И тут важно каждой собаке уделить внимание: что-то сказать, погладить. Обласканный пёс прямо-таки ликует от счастья. Другие тем временем ревниво скулят. Некоторые порываются наброситься на того, кого сейчас приласкал хозяин. Поэтому нельзя никого пропустить. Не уделишь внимания, и собака потухла: весь день будет работать без настроения.

Вряд ли найдётся животное, способное так открыто и бурно проявлять свои чувства. Особенно выразительны их глаза. Они точно передают все их эмоции. Вот и сейчас Корней прочёл во взгляде вожака явный укор «Почему уходишь, не покормив?»

Перед тем как зайти в тепло, скитник снял камлейку, следом малицу и повесил их в сених. Переступив порог, первым делом поискал глазами образа. Не найдя, перекрестился в угол и подошёл к печке (железной бочке, обложенной камнями), чтобы в тепле размотать примёрзший к бороде шарф.

— Расчехляйтесь, а я дрова подброшу, чай, поди, остыл.

В зимушке было довольно сумрачно, хотя над столом горела керосиновая лампа. От её колеблющегося света по стенам метались неясные тени. На одной из стен висело с десятков заячьих и несколько песцовых шкур. Недавно снятые — мехом внутрь, высушенные и отмятые — мехом наружу.

— Чай готов. Согреетесь, а там уж и поедим... У меня днесь даже хлеб есть, — с гордостью прибавил Олег. — В пургу делать нечего, напёк впрок.

— Зачем впрок? Зачерствеет ведь.

— Так на морозе держу.

За столом Корней, наконец, разглядел хозяина: прокалённое морозами лицо, опущенные книзу усы, почти чёрные глаза под нависшими бровями. Несмотря на внешне суровый вид, промысловик на самом деле оказался приятным в общении человеком.

С аппетитом съев пару куропаток и выпив несколько кружек чая, Корней, не вдаваясь в подробности, поведал свою историю. Даже в сжатом пересказе она удивила и взволновала Олега.

— Корней Елисеич, вы самородок! Эдакий путь не всякому здоровому под силу, а вы одолели.

— Какой одолел! Пока меньше половины. Самое трудное впереди... Олег, эта избушка, как я понимаю, промысловая. А живёшь-то где?

— В Улово. В хорошую погоду три дня на собаках.

— Семейный?

— А то! Трое пацанов, погодки. Старший уже школьник.

— Стало быть забот хватает.

— Да уж! Крутиться приходится. Потому и участок дальний взял — тут побогаче зверьём.

— Ну и как нынче?

— По мясу недурственно. Олень есть. Куропатки без счёта. Только успевай с силков снимать. Хоть и мелочь, а за каждую полрубля. А вот с пушшиной досель худо. Лишь тушкан¹ с добром. А кака с него выгода? Пшик один! Разве что жилетку сшить али рукавицы. Песец есть, но на приваду зараза не идёт. Дошлый²! Иные, что ишо вытворяют: у пасти в насмешку кучку начеканят — знаем, мол, твой подвох. Беда в том, что нынче лемминга тьма. Песцам раздолье — харчуются не сходя с места, на приманку не зарятся. Чего ради мёрзлятину грызть, когда повсюду тёпленькое мяско шныряет. Помене станет, глядишь, и охота выправится. А пока пластаешься в пургу и мраз, одначе снимешь с круга два-три хвоста. Другой раз и вовсе порожним вертаешься.

С улицы донёсся требовательный лай. Это Борой напоминал, что давно пора задать корм.

— Собаки «остыли», покормить надо... Олег, тут такое дело. Меня на днях белый медведь грабанул. Половину юколы съел. Можешь чем выручить?

— Юколы у меня нет. Я своих тушками песцов и ушканов кормлю. Могу их нарубить. Устроит?

— Так мясо ещё лучше.

— А насчёт ушкуя³ вы не обознались? Он ведь только по льдам да по взморью шастает. Може, то бурый был?... Хотя нет. Их тут мало, да и спят сейчас.

— Не ошибся, морду видел. Белая, нос и глазки чёрные. Сперва подумал — приснилось. Когда встал увидел — в самом деле приходил.

— Странно. Далеко ведь от моря. Впрочем, звери, как и люди, тоже разные. Этот видать из бродяг. Кстати, лет пять назад сам километрах в десяти от берега белого встречал. В том годе море сплошь перекрыло и, из-за отсутствия разводьев, оне повыходили на материк. А вот на островах их много — рожают там. Как-то даже ночевал в ихней берлоге. Гляжу, на склоне лаз чернеет. По следам понял — медведица с малышом вышли. Очень захотелось мне глянуть, как внутри устроено. Пополз. Сначала длинный коридор, в конце жилая камера яйцеобразной формы. Свод и стены уплотнены и исчириканы бороздами от когтей. Время было позднее, там и улёгся.

— Не боялся? Могли ж вернуться.

— Нее-е! Оне коли вышли — не вертаются.

Когда Корней с Олегом появились на крыльце, Борой от радости запрыгнул на хозяина.

— Уймись! Опрокинешь! — добродушно отбивался тот, и, повернувшись к Олегу, добавил: — Повезло с вожаком. Сильный, толковый.

¹ Тушкан — заяц.

² Дошлый — бывалый, опытный.

³ Так на севере называют белого медведя.

Пока хозяин раздавал мясо, Борой стоял в стороне. Подошёл, лишь когда все получили свою порцию.

Корней заметил, что наблюдавший за ними Олег погрузился:

— Олег, о чём ты задумался? Чего это ты опечалился.

— Был и у меня первостатейный пёс. Ох и умница! Необычайно деликатный натура. Даже моё настроение чувствовал. Ежели видел, что я чем-то озабочен, не докучал. И кличка у него была соответствующая — Доцент. Однажды отправился на лыжах проверять ближний путик. Его, чтобы у ловушек не следил, оставил. Пока освежал пасти, стемнело. Заночевал у костра. Где-то к полудню вернулся. Доцент лежит, даже голову не поднимает. Мясо не тронут. Попервости думал, занемог. Стал жалеючи гладить, так он уши прижал и не смотрит. Только к вечеру встал. Потёрся о мои ноги и съел мясо. Что творилось в его голове в эти два дня? Видимо решил, что я его бросил. Такая вот тонкая натура.

— А сейчас Доцент где?

— Вернёмся в зимушку, расскажу.

Когда Корней зашёл, Олег сидел на чурке и задумчиво глядел на метавшееся в открытой печи пламя.

— Так что же случилось с твоим Доцентом?

— Нелепая и страшная история... Зима в тот год была пустая. Живность словно повымирала. Ни зайца, ни песца, ни куропатки. А продуктов я завёз в обреш — на дичь рассчитывал. Под конец сезона совсем туго стало, а выходить обидно — как раз песец пошёл. Я-то ещё ничего — на кашах, а Доцент совсем оголодал. Миску досуха вылизет и грызёт её. Мясо ему надо. Ну, думаю, так дело не пойдёт. Отправились в посёлок за припасом. Тогда участок поближе был. И надо ж такому случиться, вроде и машин-то у нас раз-два и обчёлся, а на него нашлась. Ладно б на смерть. Зад покалечило. Ноги отнялись. Пришлось оставить дома. Хожу по путикам и всё думаю — как там Доцент без меня? Через две недели прихожу, а он уж помер. Видимо от тоски — решил, что я его бросил. Сейчас у меня восемь собак — этот участок большой, без упряжки никак, но ровни Доценту нет.

— Жаль, но что поделаешь? У каждого своя судьба.

После долгого молчания, Олег произнёс:

— Корней Елисеич, я завтра поеду восточный путик проверять. Вы можете здесь остаться, отдохнуть, а если хотите, можете со мной, это в вашу сторону.

— С чего мне отдыхать? Вместе и поедим.

— Тогда ложимся. Выехать поране надобно.

Задув лампу, Олег продолжил:

— С этого путика я всегда в деревню к дяде заезжаю. У него замечательная мыльня по-чёрному. Попаримся... Прежде-то мы все в той деревне жили. Но

шесть лет оттоле в новый посёлок на берег свезли. А дядя с женой упёрлись — не поехали. Жена, Царство ей Небесное, с год как померла.

— Олег, я ради бани поеду хоть куда!

— Вот и славно! Попарю вас от души!

Только начали путаться, заволакиваться дрёмой мысли, как заскрипели половицы. Открыв глаза, Корней разглядел в полумраке Олега в одной исподней рубахе.

— Не спится?

— Колени разболелись, похоже, застудил опять. И так ногу положу, и эдак — всё одно крутит. Похожу, медвежьим жиром натру, отпускает.

— Что ж ты сразу, до сна, не натираешь.

— Так оне только сейчас заболели.

— Может тогда чайку горяченького? Глядишь, разморит, сон придёт.

— Хорошая идея. Чего безтолку колготиться?

Олег запалил лампу-висячку, раскошегарил пещурку.

Просидели за чаем и разговорами часа два.

Утром загрузились, подпёрли дверь поленом и с гиканьем погнались собак на восток. Насыпавший за ночь пухлявый снежок не успел слежаться и молочно клубился за упряжками.

Всего у Олега «по лицу тундры» стояло около пятисот ловушек. Из них триста на этом путике. Большинство вдоль береговой линии — там песцов поболее.

Проверяя пасти и капканы, промысловик освобождал заваленные, обновлял, где требовалось, приманку.

Дважды выезжали на припай. Олег рассчитывал воспользоваться привычкой песцов ходить по пятам белых медведей, подбедая остатки их пиршеств, и подстрелить хоть парочку¹. Однако при первом выезде почти сразу упёрлись в такие чудовищные нагромождения льда, что собаки, при всём старании, не смогли одолеть их. Второй был успешней. Почти сразу вышли на следы медведя и семьи песцов, следовавших за ним. Проехав с километр, услышали быстро приближающийся треск. Вскоре он сделался столь сильным, что стал напоминать раскаты грома. Лёд пошёл трещинами. В одном месте снег потемнел от выступившей воды. Пришлось спешно возвращаться на берег.

Тем не менее, Олег был доволен результатом. Снял семь песцов, две огнёвки, одну чернобурку и, редкая удача, росомаху. Один песец, правда, оказался наполовину съеден братьями.

¹ Белые медведи питаются тюленями и нерпами. При этом мясо почти не едят. А вот их белый жир обожают — съедают подчистую. Песцы это знают и следуют за ними по пятам, подбедая мясо и требуху.

На четвёртый день свернули в «деревню» к дяде. Тучи, скрывавшие небесный купол, рассосались и взору путников открылась захватывающая дух игра радужных лент Северного сияния. Тьма ослабла, и тундра сразу словно вздохнула. Даже собаки побежали веселей. Пересекли наброды диких оленей. У Олега загорелись глаза — может свежие?

Спрыгнув с нарты, он снял рукавицу и стал рукой щупать стенки лунок. У свежих следов стенки не застывшие и легко осыпаются. Ещё важно определить направление движения. Вытаскивая ногу, копытные рассыпают какое-то количество снежинок, при этом больше всего в ту сторону, куда идут.

Прощупав для верности несколько лунок, промысловик разочарован проворчал:

— Вчерашние. Поехали!

Часа через три их стали нагонять шквалы ветра. Напор с каждой минутой усиливался. По тундре поползли снежные змейки. Ветер крутил подол кухлянки, заматывая под неё снег. Олег остановил подъезжающего Корнея:

— Окапываемся! Белый шторм идёт!

— Зачем? Ветер попутный, надо пользоваться!

— Собак потерять хочешь? Живо нарты разворачиваем! Опосля объясню.

Как только поставили нарты поперёк ветра, Олег, указывая рукой назад, прокричал:

— Смотрите!

В сотне метров бурлила движущаяся на них белая стена.

Через минуту пространство заполнили густые клубы снега. Они не давали дышать, залепляли глаза. Разговаривать невозможно. Буря свирепствует вовсю. Олег уже растворился в густой мешанине. Путники едва успели упасть за нарты между уже зарывшимися в снег лайками. Потянулись тягостные часы ожидания.

Олег, время от времени, высовывал руку из образовавшегося над ними сугроба: определял силу ветра. Он знал, что такие мощные ураганы обычно скоротечны.

Когда ветер ослаб до обычной позёмки, выбрались из сугроба, откопали нарты и собак.

— Корней Елисеич, вы не сердайте, что я так раскомандовался. Белый шторм в тундре с попутным ветром коварен. Вроде всё хорошо: сани и собаки, подгоняемые ветром, несутся так, что кажется, не едешь, а летишь. Человек радуется и готов благодарить всех святых за сей подарок. И удивляется, не понимая, почему падает замертво одна собака, вторая... Дело в том, что ветер заворачивает у собак шерсть и забивает снежную пыль прямо к коже. Подтаивая, она превращается во всё более утолщающуюся ледяную корку. Ежели вовремя не остановиться, погибнут все.

— Странно! У нас олени при попутном ходят и ничего.

— Олени иное дело. У них мех такой плотный, что волосу не шевельнуться. Им такая метель не страшна.

Выбеленная и выровненная тундра, казалось, не имела ориентиров, но Олег вёл упряжку так уверенно, словно впереди ему светил маяк. Вскоре на покато-м склоне показались торчащие из снега трубы, а кое-где и крыши. Корней очередной раз изумился умению промысловика ориентироваться в зимнем однообразии тундры. Сам он видел только серый снег, тёмное небо и звёзды.

— Олег, а как ты нашёл дорогу? Ведь вокруг глаза не за что зацепиться.

— Я могу лица людей забыть, но ни одной ложбинки, ни одной гривки окрест не спутаю.

— Так и гривок не видать.

— Ну...тогда не знаю, как то объяснить... Чутьё, наверное.

Дом дяди стоял у подножья холма и был занесён с крыши (торчала лишь труба с вяло струящимся дымком). Избы на взгорке, были занесены только наполовину. Снег из-за меняющихся ветров и неровностей рельефа, ложится везде по-разному. В одном месте наметёт метра четыре, в другом — едва припорошит.

— Такая хорошая деревня была, а теперь сирота, — с нескрываемой болью, произнёс промысловик.

Подъехав поближе, Олег спустился по полузасыпанной снежной траншее к двери. Для порядка постучал.

Через какое-то время гнусавый старческий голос заинтересовался:

— Олечка, ты штоль?

— Я, дядя Арсений, с товарищем.

— Господи! Кака радость! Заходите, отворено.

— Погоди, токо снег выбьем.

Переступив вслед за Олегом высокий порог, Корней попал в мрак сеней.

— Осторожней, тута ишо приступок, — предупредил тот и распахнул дверь в свет и тепло.

В комнате сонно отбивали время ходики, над столом горела керосиновая лампа. Её колеблющееся пламя играло на бревенчатых стенах и по заваленным снегом оконных стёклах. В печи потрескивали поленья.

Корней быстрым взглядом окинул внутренность скромного жилища. Всё убранство: кровать, покрытая лоскутным одеялом, стол, широкая лавка и застеленный домотканой дерюгой сундук, на котором возлежал, свесив пушистый хвост, рыжий котиче. Под потолком, возле печи, как обычно мешочки с крупами, мукой, сахаром.

Разглядев в углу икону с потемневшим, чуть различимым в свете лампадки ликом Христа, Корней перекрестился и поклонился хозяину — старику с лопатой седой бороды и ясными, в лучиках морщин глазами.

— Мил человек, енто лишнее. Токо Богу да родителям в ноги кланяются, боле никому... Скидайте свои шкуры, а я покамест похлёбку согрею и самовар вздую, — произнёс он, ласково глядя на приехавших.

— Тебя ноне с верхом замело. Даже не припомню такого, — заметил Олег.

— Снег ишо ничё, ветер хуже. Ноне его с избытком было. Бывалочи и раньше так задует, что к соседям по натянутой верёвке добираешься. Идёшь, крепко держась за ея — иначе снесёт. Помнишь, поди, как батя твой сгинул. Нашли токмо кады снег стаял, — добавил он, поворачиваясь к Корнею, — вчерась така круговерть и случилась. Нельзя было чё-либо разглядеть. Ревело, не приведи Господь. Траншею к двери вровень замело. Насилу откопался.

— Мы тоже в ту заваруху угодили.

— Тяжело, поди, всякий раз откапываться! — посочувствовал Корней.

— Да я без спешки. Запыхаюсь, передохну. Хотя, признатся, с кажным годом всё тяжелыше лопатой махать. Поизносилси.

Путники, сев на скамью, прижались спиной к печи, с наслаждением ощущая, как по телу растекается тепло.

Согревшись, Олег занёс с улицы спальный мешок и четырёх белоснежных песцов. Мешок вывернул и повесил для просушки. Песцов связал попарно и перекинул через жердь размораживаться.

— Оттают, обдеру. Чего время попусту терять. Корней Елисеич, вы бы свой спальник тоже занесли.

Свернувшийся клубком на сундуке рыжий кот, чуть приоткрыв глаза, не поворачивая головы, которая, казалось, росла прямо из туловища, внимательно наблюдал за действиями пришельцев. Сочтя, что их появление ему ничем не угрожает, намусолил лапу и принялся старательно елозить ею по круглой морде. Завершив туалет, сладко зевнул и вновь растянулся во всю длину. Басовито мурлыча, он, похоже, вспоминал что-то приятное из своей кошачьей жизни.

— Нече разлёживаться! Поди в сени! Мыша лови, — дед приоткрыл дверь.

Кот оставил призыв хозяина без внимания. Даже не шевельнулся.

— Редкий лежебока, но люблю. По первости, когда все разъехались, особливо, как старуха померла, жуть брала. Шутка ли — один на сотню километров. Так я с им налачился балакать... Эх, было время! Тута ведь более семидесяти дворов было. Тапереча токо мы с Матвеем.

— Да уж! Заглыхает наш край, — согласился Олег.

— Поуезжали — обчества, вишь, им не хватает. Фельдшера, магазин подавай, — бурчал дед, — а мне без обчества куды как душевно. Ни под кого подлаживаться не надь. Делай, что хошь. Воля! Олежек заедет, побалакаем и доста.

— А не трудно? Всё же одному приходится делать.

— Спаси Христос! Силёнка пока есть. Всяко, конечно, случается. Седмицу отголе жаром мучился. Как приступит жар, выйду на мороз без верху, в рубаше и катанках — и облегчение. А оздоровился струганиной из нельмы. Поел и оздоровился... Така в той стружке сила.

Говорил дед чуть запинаясь и несколько лениво — как будто с трудом подбирал слова. Это придавало его речи особый колорит.

Кот поднял голову, лишь когда люди сели за стол. Выжидательно уставившись зеленоватыми глазами-плошками на хозяина, стал требовательно мякать.

— Не наглей. У тебя ишо не всё в миске съедено! — беззлобно огрызнулся Арсений и, обращаясь к Корнею, продолжил: — Правда порой начнёт мерещиться всяка нелепица. Прошлогодь по осени, возвращаюсь с рыбалки в сумерках, коды уже всё в один цвет, а на меня глазищи из-под куста плятятся. Ну, думаю, леший по мою душу явился. Вот нет же шерсти на мне, а туточки, не поверишь, будто вздыбилась по всей спине! Не пойму, то ли в башке смущение, то ли впрямь леший. Заговор вспомнил: «Недобрый глаз, не гляди на меня. Сгинь, нечистая сила!» Он в тот же миг ворохнулся так, што ажно куст затрясся. Однакась не спужался. И вдруг слышу «Мяууу! Мяуу!» А то мой Матвей... Это ишо ништо. Ко мне анчутки в избу повадились. Токо уснёшь, начинают окаянные, скидывать всё со стола, так что всё ходуном ходит. Я ужо по всем углам пучки можжевельника развесил, на подоконниках челюсти шук разложил, крестики деревянные кругом поставил, над входом медвежью лапу пристроил. Токмо без толку. Всё одно колотятся... Эх! Старость не радость! Правда, хуже, что и она проходит.

— Дядя, грех вам жалобиться. Вы ишо вон какой шустрый.

— Олежек, я може и шустрый, однакась годы своё берут. Прежде я куда как проворней был. Щас как? Чуток поработаю и устал. Полежать тянет.

— Сколько ж вам лет?

— В точности не скажу. Думаю, к восьмидесяти близко. Долго живу, а помирать всё одно не хочется.

— Арсений, как я понял, вы в этой деревне и родились?

— А то! Я самый что ни есть корневой. А вот предки с Аянского тракту. Оне грузы и икспедиции сопровождали. Бывало, хаживали ажно до Якуцка. Однава на саму Камчатку. Дед баил, што горы тама диковинные, не в пример нашим — велики гораздо и

подобны сенному стогу. Из них днём дым валит, а ночью искры и зарево. Оттого великий шум и гром происходит. Кто на них всходил — назад не вертался. Коды Аянский тракт закрыли¹ оне суды подались... Эх, кака деревня была! И свадьбы гуляли, и пели, и работали, и строились. Всё было. Жили, може, и трудно, зато весело. Таперича что? Одна поруха.

Пока Корней беседовал с дедом, Олег не сидел сложа руки: сноровисто обдирает отмякших песцов, соскабливал с мездры жир, натягивал шкурки на пята и вешал для просушки.

С утра занялись баней. Прокопали к ней траншею, затопили печь. Набили чаны снегом. Чтобы стены прогрелись до нутра, топили весь день. Зато напарили кости и надышались здоровым дегтярным духом до упаду. Плеснут кипятку на раскалённые камни и давай махаться, дико вопя от жара, венчиком из полярной берёзы с кедровым стлаником до тех пор, пока жар не пробьёт до костей, и бегом на снег остужаться. Так раз пять. После в натопленной избе сидели за столом в одних исподних рубахах, и, исходя потом, пили бруснично-клюквенный отвар кружка за кружкой и разговаривали. Когда весь пот вышел, переоблачились в выданные дедом свежие рубахи и портки.

— Корней Елисеич, а не пожить ли вам здесь недельку-другую. Мяса для собак заготовите. Зверя ноне тут множество наплодилось. Народу-то нет. Да и дяде весельше будет.

— А что, Корней, хорошая мысля! Всамдель поживи. Тебе и собакам роздых будет.

На следующий день Олег уехал, а скитник остался. Арсений был крайне доволен таким оборотом. Он давно мечтал раскатать ближнюю избу, что на взгорке на дрова, но одному не справиться.

Раскатали за два дня. Ещё пять дней ушло на то, чтобы распилить бревна на чурки и наколупать полный дровяник поленьев. Старик был счастлив — дров теперь, по его прикидкам, хватит, как минимум, года на три!

Завершив дровяную эпопею, скитник занялся подготовкой мяса. Окрестность за несколько ясных и безветренных дней густо расписали следы зайцев и аккуратные стёжки куропаток. С утра до вечера ставил петли и силки. Добычу замораживал, а часть тушек коптил в дымоходе.

Вечерами, как выражался дед, «калякали у самовара». Говорил в основном, соскучившийся по общению Арсений, а Корней слушал.

¹ Аянский тракт был основан в 1845 году в связи с переводом порта и флотилии из Охотска в более удобный, с точки зрения проезда, Аян. Его значение росло до продажи Аляски. После этого тракт стал хиреть. А в конце 20-х годов XX века пришёл в полный упадок. В настоящее время предпринимаются попытки его реанимирования.

В одну из чаёвок дед рассказал ему ранее уже слышанную в Усть-Янске историю про человека, проезжавшего здесь на велосипеде на Чукотку. Ещё о родне, особенно о своих детях. С гордостью сообщил, что сын работает штурманом в Дальневосточном пароходстве. Ходит на Камчатку, Курилы, Чукотку. Бывает и в Певеке. А дочь вышла замуж за военного лётчика и служит с ним под Минском.

— Чего ж они вас к себе не возьмут?

— Наперебой звали, как Аннушка померла. Отказался. Пошто мне энти города? Тут я в своём дому. Олежек, дай бог ему здоровья, не забывает — навещает. По осени себе на станок продукты завозит и мне заодно. Много ли одному надобно? Рыба, считай, у порога. Ягода и дичь в сендухе. Чего не жить?

Незаметно пролетели три недели. По лимонной полоске легко было догадаться, где сейчас светило, незримо совершающее свой путь за линией горизонта.

Куропаток и зайцев в копилке Корнея с каждым днём прибывало. Мясо нарублено на порции и уложено в мешки. Можно продолжать путь, тем более что Полярная ночь вчера сдалась, и народившийся день стал потихоньку прибывать. Но человек предполагает, а Бог располагает. Небеса решили по-своему. Запуржило на всю неделю. Наконец, круговерть угомонила. В один из вечеров Арсений подсел к Корнею:

— Послухай, Елисеич, опосля таких затяжных метелей долго не дует. Снег плотный, хорошо держит. Самое время ехать.

— Вы правы. Завтра же начну петли снимать.

* * *

Когда всё было готово к отъезду, нагрязнул Олег. Он был в прекрасном настроении — песок пошёл!

И опять разговоры, жаркая баня. Возвращаясь в избу, старик в потёмках, запнувшись о порог, упал. Когда стали поднимать, застонал:

— Нога, нога...

Глянув на неестественно изогнутую голень, Корней понял — перелом! Задрав штанину, увидел на месте изгиба проступающую синеву.

— Олег, дело серьёзное. В больницу везти надо. Но прежде голень плашками давай закрепим.

Отобрав прямослойное полено, он расколол его на четыре пластины и, обложив ими ногу деда, крепко обвязал.

— Эка бяда, эка бяда! — причитал расстроенный Арсений. — Стока забот вам.

Закутав старика в тулуп, Олег с Корнеем уложили его на нарты.

— Елисеич, и просить-то неловко, но сделайте милость, поживите пока, а то дядя переживать будет за kota, да и изба вымерзнет.

— Пусть не волнуется, поживу.

* * *

Олег привёз Арсения только через девять дней. Старик исхудал и как-то сник. Острые плечи торчали, как у вешалки. Передвигался осторожно, опираясь на костыли.

Истомившийся Корней решил выезжать прямо с рассветом.

Расставались, как родные.

— Не знаю, как тебя и благодарить, Корней! Шибко выручил! — голос старика задрожал, глаза заблестели от навернувшихся слёз. — Поаккуратней в дороге будь. У меня сны вещие. Что увижу, так опосля и случается. Ноне человека под снегом видел, опасливее будь.

— Арсений, может, вы к детям всё же переберётесь? Или, вон, к племяннику.

— Давно уговариваю. Не идёт, — откликнулся Олег.

— Ладно-ладно. Через годик подумаю. Что я зря дрова готовил? Но на лето токо здесь... Прощевай Корней Елисеич! Славный ты человек. Возьми это на память, — Арсений протянул ему дорожный топорик, — Досельный¹, ишо от деда. Гвозди рубит что ветки. В лавке такой не купишь.

— Да вы что! Это ж такая память!

— На что он мне таперича? Дрова колупать большой есть. Бери, не то обижусь, — лицо Арсения выражало такое искреннее огорчение, что растроганный Корней, приняв дар, обнял старика.

Тот напоследок опять напомнил:

— Не забудь. Ехай сперва прямо на восток, а как перевалишь в бассейн Колымы, держись Мороки. По ней путь, може, и длиньше, зато не заплутаешь.

— Вельми помогли! Как нам повезло, что вас в нашу дичь занесло. — тряс руку скитника Олег.

Отдохнувшие, откормленные собаки взяли борзо. Заехав на релку, Корней притормозил. Дед с племянником всё стояли рядом с торчащей из снега чуть курящейся трубой. На скитника нахлынуло такое чувство родственности к этим людям, что чуть было, не повернул обратно.

ОБВАЛ. ЭВЕНЫ. РАСПУТИЦА

И снова впереди бесконечная, однообразная белая пустыня, исполосованная рядами застругов. Горизонт — идеальная прямая. Всё оцепенело от навалившейся стужи. Разве что, даст стрекоча потревоженный заяц либо выпорхнет из-под снега белокрылым облачком стая куропаток. Да изредка донесётся истошное тьяканье то ли песка, то ли лисицы. Гон, похоже, ещё не закончился.

Два дня Корней ехал при ясной, безветренной погоде. Девственная целина сверкала, слепя глаза мириадами густо рассыпанных бриллиантов. Но стоило обернуться назад, как число этих блёсток резко сокращалось: снежное полотно украшали лишь редкие «созвездия».

На третий день мороз ослабел. Тундра малопомалу пробуждалась. На снегу с каждым днём всё больше следов, в небе всё больше птиц. Вон свежая поковка песка. Капельки крови и комочек кишок лемминга свидетельствовали о его удачной охоте. На заре хрипло скрипели, призывая курочек к любовным играм, петушки куропаток.

Когда путник переваливал в бассейн Колымы, небо затянули низкие тяжёлые тучи, повалил снег. Правда, водораздела, как такового, он не заметил — определил по изменению направления русел. Снег здесь лежал пухлым ковром. Видимо не было сильных ветров. Это заметно снижало скорость: собаки то и дело проваливались по брюхо.

В серой мути непрекращающегося снегопада тени и ориентиры исчезли. Всё слилось в серое полотно. Неровности рельефа различались лишь в непосредственной близости. Теперь главная задача Корнея заключалась в том, чтобы не дать нартам завалиться в этой пышной перине на бок.

Боясь проскочить устье Мороки — там находилось стойбище эвенов, Корней вёл упряжку точно по вихлястому руслу. В конце-концов, следующие одна за другой, бесконечные, плотно прижатые друг к другу, извилины речки, до того утомили его, что, когда впереди замаячила очередная излучина, решил сразу перевалить узкий перешеек. Русло, как он и предполагал, оказалось прямо за ним. Довольный экономией времени и сил, Корней погнал упряжку вниз к речке и почти сразу почувствовал, что летит вниз вместе с нартами в бездну. Через несколько секунд он оказался заваленным горой снега, да так плотно, что не мог даже шевельнуться. Благодаря тому, что снег к лицу прилегал не столь плотно (выручали усы и борода), Корней, хоть и с трудом, но мог дышать.

От тепла дыхания снежинки постепенно подтаивали, и перед ртом вскоре образовалась небольшая полость. Чувство удушья чуть ослабело. Попробовал пошевелить пальцами — двигаются. «Без паники! Спокойствие, главное спокойствие, — уговаривал себя скитник, — руки целы, с Божьей помощью выберусь».

Сверху донеслись какие-то слабые звуки. Прислушавшись, разобрал поскуливание собаки. Вот кто-то зацарапал капюшон куропатки и раздался радостный лай.

«Борой!» — сообразил Корней. Вскоре скитник ощутил приток свежего воздуха, а перед лицом за-

¹ Досельный — старый, старинный.